

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ЭРИК ВЕЙНЕР

*Где и почему рождаются
великие идеи*

 альпина
ПАБЛИШЕР

Эрик Вейнер

**География гениальности:
Где и почему рождаются
великие идеи**

«Альпина Диджитал»

2016

Вейнер Э.

География гениальности: Где и почему рождаются великие идеи / Э. Вейнер — «Альпина Диджитал», 2016

ISBN 978-5-9614-4406-3

Любознательный ученый и пытливый исследователь Эрик Вейнер пускается в путешествие по странам и столетиям, чтобы выяснить, почему в некоторых местах в разные эпохи расцветал творческий гений. По ходу дела он узнает, как гениям благоприятствуют неразбериха и хаос, отчего нам хорошо думается во время ходьбы, чем устрицы помогли шотландскому Просвещению и почему без чумы не началось бы Возрождение. Вейнер ходит по тем же дорогам, что и древние афиняне, современники династии Сун и обитатели нынешней Кремниевой долины, спрашивая себя, что витает в воздухе этих мест и можем ли мы повторить это там, где проживаем сами?

ISBN 978-5-9614-4406-3

© Вейнер Э., 2016
© Альпина Диджитал, 2016

Содержание

Введение: Приключения с коробкой Гальтона	7
Глава 1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Эрик Вейнер

География гениальности: Где и почему рождаются великие идеи

Переводчик *Глеб Ястребов*

Редактор *Василий Подобед*

Руководитель проекта *О. Равданис*

Корректор *М. Смирнова*

Компьютерная верстка *М. Поташкин*

Дизайн обложки *В. Молодов*

© Eric Weiner, 2016

Original publisher Simon & Schuster

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2017

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

* * *

Editor's choice – выбор главного редактора

Природа гениальности до сих пор остается тайной, и никто еще не придумал (слава Богу, кстати) рецепта как «сделать» гения из того или иного человека. Однако если речь идет о социумах, то в некоторых случаях вероятность появления в том или ином месте – в древних Афинах, средневековой Флоренции, современной Кремниевой долине – целой плеяды гениев существенно повышается.

Исследованию этой взаимосвязей географии и гениальности и посвящена прекрасная книга Эрика Вейнера, представляющая собой смесь журналистского расследования, научпопа и серьезного исторического исследования.

*Сергей Турко,
главный редактор издательства «Альпина Паблишер»*

Посвящается Шарон

*Здесь будет возвращаться то, что почтенно.
Платон*

Введение: Приключения с коробкой Гальтона

Что я за фрукт, окружающим стало понятно, еще когда я был ребенком. В десять лет я решил выяснить, что будет, если воздушный шарик наполнить водой и сбросить с балкона нашей квартиры на пятнадцатом этаже. Чем я хуже Ньютона и Дарвина? Надо поставить опыт и разобраться!

«Ну, ты даешь!» – только и вымолвил потрясенный автовладелец. Ему пришлось заменить ветровое стекло, пострадавшее в ходе моего эксперимента. Что поделать – всего не предусмотреть! Научного прогресса без жертв не бывает.

А через несколько лет случился новый инцидент – с камином, закрытым дымоходом... и местной пожарной частью. До сих пор живо помню, каким тоном пожарный произнес: «Тоже мне гений».

Увы, я не гений. А потому нахожусь в быстро тающем меньшинстве. Таких, как я, скоро останутся единицы – ведь число гениев растет не по дням, а по часам. Кого только не называют гениями, от теннисистов до программистов. У нас есть «гении моды», «кулинарные гении» и, конечно же, «гениальные политики». Наши дети – сплошь маленькие Эйнштейны и Моцарты. Если у нас возникла проблема с продукцией Apple, мы идем в раздел Genius Bar («Бар гениев») на сайте компании. Да и лавина книг «Сделай сам» наводит на мысль, что в каждом из нас кроется гений (в моем случае – скорее скрывается). И нам это льстит. Вот только если каждый человек гений, то так ли это почетно?

Я уже давно с интересом наблюдаю за тем, как развивается (или, точнее, вырождается) понятие гения. Тема гениальности занимает мой ум так же, как тема одежды занимает ум человека, оставшегося нагишом. Если мы катимся по этой спирали вниз, есть ли для нас (и для меня в том числе) какая-то надежда?

Гений. Слово пленительное, но каков его смысл? Оно восходит к латинскому *genius*, которое во времена Древнего Рима означало нечто иное, чем в наши дни. «Гением» называли духа – эдакого «родителя-вертолета»¹, только сверхъестественного, который опекал каждого человека. Свой гений был у каждого человека и у каждого места. Города, поселки, рыночные площади – у всех был свой дух-покровитель, *genius loci* («гений места»). Откуда же тогда взялось нынешнее определение «гения»: «необычайные интеллектуальные способности, особенно проявленные в творчестве»?² Оно пришло к нам от романтиков XVIII века, этих печальных поэтов, которым пришлось немало *претерпеть* за свое искусство и свою, как мы сказали бы сейчас, *креативность*. Кстати, последнее слово возникло совсем недавно – в 1870 г., а широко распространилось и того позже – лишь в 1950-х гг.

Иногда гениями называют интеллектуалов – людей с высоким IQ, но это слишком узкое и обманчивое понимание: многие обладатели высочайшего IQ ничего не сделали в жизни, а многие люди со «средним» IQ, наоборот, совершили что-либо великое. Я же веду речь о гении в творческом смысле слова – о гениальности как высшей форме творчества.

Больше всего мне нравится определение творческого гения, которое дала психолог Маргарет Боден, специалист по искусственному интеллекту. По ее словам, творческий гений – это человек, наделенный «способностью выдвигать идеи новые, неожиданные и ценные». Таким критерием пользуется и Патентное ведомство США, решая, заслуживает ли патента то или иное открытие.

¹ В Америке так называют родителей, которые чрезмерно опекают своих отпрысков, постоянно отслеживая их деятельность, как вертолеты сопровождения. – *Прим. пер.*

² Определение взято из популярного словаря Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. – *Прим. пер.*

Представьте себе простую кофейную чашку. Я могу раскрасить ее, придав необычный флюоресцентный ярко-оранжевый цвет. Это будет ново, но не слишком неожиданно, да и пользы не принесет. Я могу также выдумать чашку без дна. Без сомнения, это неординарно и вызовет удивление, но пользы в этом снова никакой. Чтобы заслужить патент, мне придется изобрести, скажем, самоочищающуюся чашку или складную чашку, которая превращается во флешку. Тогда она будет удовлетворять всем трем критериям: новизна, неожиданность и польза. Чтобы получить патент или прослыть гением, нужно сделать не несколько мелких шажков, а решительный скачок.

Но меня, любителя географии и истории, интересует не только то, *какие* скачки были сделаны в истории человечества, но и то, *где* и *когда* они были сделаны. Поэтому я задумал еще один эксперимент (на сей раз без шарика с водой). Я отправился в Большое Путешествие. Знаете, из тех путешествий за границу, которые совершали в XVIII–XIX веках молодые английские дворяне, чтобы расширить свой кругозор. Конечно, я не дворянин и, как уже сказал, не гений. Колледж был для меня временем дешевого пива и неподходящих женщин. Учиться можно было бы и получше. Но на сей раз, сказал я сам себе, все будет иначе. На сей раз я последую совету тестя. «Молодой человек, – мягко втолковывал он мне, – вам нужно о-бра-зо-вы-вать себя».

Мое образование начинается в Лондоне, который дал миру не только гениев, но и изучение природы гения. Если вас, как и меня, увлекает эта тема (или вам нравится тайком втыкать булавки во что-нибудь мягкое), вас заинтересует коробка Гальтона. А найдете вы ее там же, где и я, – в Университетском колледже Лондона.

Пасмурным утром, когда в воздухе уже пахнет весной, я сажусь в метро и доезжаю до станции «Кингс-Кросс». А там рукой подать до университетского городка, чем-то напоминающего Хогвартс. Меня встречает обаятельная Субхадра Дас, хранительница коробки. В ее улыбке и взгляде есть что-то ободряющее. Она ведет меня неказистым коридором в непримечательный зал, где покоится на столе эта коробка. Надевает латексные перчатки и бережно, словно делая нейрохирургическую операцию мышонку, погружает руки в коробку.

Коробка содержит вещи сэра Фрэнсиса Гальтона – странные вещи странного и талантливого человека. Этот ученый-энциклопедист и кузен Чарльза Дарвина, живший в XIX веке, принес миру статистический анализ и опросник, фоторобот и дактилоскопию. Он же был одним из первых метеорологов. Ему принадлежит антитеза «природа или воспитание» (англ. nature versus nurture). Его IQ составлял около 200.

Девиз Гальтона гласил: «Считай все, что можешь сосчитать!» Чем бы он ни занимался, он внедрял вычисления. А однажды признался, что не в состоянии полностью понять проблему, пока не «освободит ее от слов». В социальном плане Гальтон был крайне нескладным: с числами ему было проще, чем с людьми.

Субхадра достает из коробки кусочек войлока и несколько булавок. Осторожно раскладывает их на столе. Эти вещи остались от одного из самых странных экспериментов Гальтона – попытки составить «карту красоты». Ученый решил выяснить, где в Великобритании живут самые красивые женщины, а затем нанести результаты на карту. Но как подступиться к этой задаче? Времена были викторианские, а Гальтон отличался застенчивостью, так что конкурс красоты отпадал.

В результате он придумал следующее. Приехав в очередной город, он вставал на перекрестке оживленной улицы. В кармане сюртука у него лежала булавка и лоскут войлока. Если он видел красивую (по его мнению) женщину, он втыкал булавку в одну часть лоскута, если не очень красивую – в другую, а если некрасивую – в третью. Так он объездил все Соединенное Королевство, потихоньку оценивая женские достоинства и, видимо, не вызывая недоуменных взглядов. Вот вывод, к которому он пришел: больше всего красавиц живет в Лондоне, а больше всего дурнушек – в шотландском Абердине.

«Карта красоты» не вызвала у публики интереса. Однако эпохальная книга «Наследственность таланта» (Hereditary Genius, 1869) была замечена. В ней Гальтон детально исследовал семейные родословные известных деятелей искусства, государственных мужей и спортсменов. Он выдвинул версию, что своим успехом эти люди обязаны «природным способностям» (мы бы сказали: генетике)³. По Гальтону, генетика объясняет все. Она объясняет, почему в одной семье может быть несколько знаменитостей, а в другой ни одной. Она объясняет, почему процветают общества с большим числом эмигрантов и беженцев: пришельцы «способны внести в народ благородную кровь». Она объясняет, почему одни нации успешнее других (к сожалению, глава, посвященная этой теме, получила неудачное название «Сравнительное достоинство различных рас»). Она объясняет, почему великие цивилизации пришли в упадок: скажем, древние афиняне не сохранили чистоту породы. А в итоге становится ясно, почему все гении были белыми людьми, подобно самому Гальтону, да еще жителями маленького и мрачного острова неподалеку от континентальной Европы. Что касается женщин, Гальтон упоминает их лишь вскользь, в главе «Писатели».

Книга Гальтона была хорошо принята публикой. И это неудивительно: ведь она научным языком объясняла то, что люди подозревали издавна, – гениями рождаются, а не становятся.

Субхадра осторожно возвращает булавки и войлок в коробку Гальтона. Она признается, что испытывает смешанные чувства по отношению и к коробке, и к самому Гальтону, который происходил из состоятельной семьи и не сознавал, какие преимущества это дает ему и его друзьям.

«Он думал, что положение человека в обществе определяется его способностями», – вздыхает Субхадра. Впрочем, соглашается она, Гальтон был чрезвычайно талантливым человеком. Он первым стал измерять то, что считалось не поддающимся измерению, и – Субхадра снимает перчатки – «ставить под сомнение то, в чем не сомневались». Гальтон в одиночку вырвал тему творческого гения из рук поэтов и мистиков, передав ее ученым.

Впрочем, его концепция наследственного таланта была глубоко ошибочной. Гениальность не передается так, как передаются голубые глаза или лысина. Не надо думать, что есть ген гениальности и гений может родиться лишь от гениев. Не изменения генофонда предопределяют взлеты и падения цивилизаций. И все же гены вносят свой вклад в творческую одаренность, хотя и очень небольшой (по оценке психологов, от 10 до 20 %).

Мифу о врожденной гениальности пришел на смену миф о том, что гениями становятся. На первый взгляд кажется: почему бы и нет? Как показало одно известное исследование, труд – залог успеха: 10 000 часов тренировок в течение десяти лет – и ты мастер. А там и гениальность не за горами. Иными словами, современная психология эмпирически подтвердила старую формулу Эдисона: гений – это 99 % пота и 1 % вдохновения.

Без сомнения, без труда ничего не выйдет. Но одного лишь труда недостаточно. Нужно что-то еще. Вот только что именно? Этот вопрос мучает меня, пока я быстро шагаю мимо викторианских особняков. Запах весны сменился легкой, но нескончаемой моросью...

Спустя несколько месяцев я попадаю в еще один университетский городок, расположенный на другой стороне земного шара. И снова вижу коробку – на сей раз с картотечными карточками. На каждой карточке – их, должно быть, тут сотни – четким и убористым почерком записано историческое событие и какой-нибудь известный человек, живший в то время. Например: «Микеланджело, великий художник итальянского Возрождения». Карточки систематизированы по датам и странам. Все очень методично, «по-гальтоновски». Однако хозяин коробки жив, здоров и энергично пожимает мою руку в знак приветствия.

³ Здесь и далее цит. по изд.: Гальтон Ф. Наследственность таланта. – СПб., 1875. – Прим. пер.

Дин Кит Симонто́н – подтянутый мужчина с бронзовой от загара кожей. Сейчас он в творческом отпуске – но об этом ни за что не догадаешься, глядя на его бьющую через край энергию и под завязку забитый график. Одет Симонто́н в джинсы, шлепанцы и футболку с портретом Оскара Уайльда. (У него собралась целая коллекция футболок с изображением гениев.) К книжной полке прислонен горный велосипед. Тихо играет музыка Шуберта. Сквозь окна льются лучи калифорнийского солнца.

Симонто́н – профессор психологии из Калифорнийского университета в Дэвисе и, как он сам себя называет, «интеллектуальный спелеолог». Его манят темные и неизведанные глубины, куда не каждый отважится проникнуть. В этом смысле он напоминает Гальтона. А еще, подобно Гальтону, Симонто́н увлечен темой гениальности и имеет страсть к цифрам. («Как ваши дифференциальные уравнения?» – спрашивает он меня. Э-э... Да как-то не очень. А ваши?)

Однако, в отличие от Гальтона, Симонто́н не втыкает булавки в бумажки. Это хорошо чувствующий себя в обществе и легкий в общении человек. В отличие от Гальтона он вырос в простой рабочей семье – его отец даже школу не закончил. И еще одно важнейшее отличие: Симонто́ну чужды националистические предрассудки. Он ясно видит мир и сумел понять кое-что важное.

Увлечение Симонтона, как у многих других, уходит корнями в детство. Когда он ходил в «нулевой» класс, родители купили «Всемирную энциклопедию». Она поразила воображение мальчика. Пока сверстники пялились на фотографии бейсболистов и поп-звезд, он часами вглядывался в лица Эйнштейна, Дарвина и других гениев. Уже в этом возрасте его интересовали не только достижения великих людей, но и то, как пересекались их судьбы. Как Леонардо да Винчи и Микеланджело бранились на улицах Флоренции. Как Фрейд и Эйнштейн болтали в берлинской кофейне.

В колледже Симонто́н слушал лекции по всемирной истории, но (ученый есть ученый!) испещрял свои письменные работы математическими формулами – «Слава прямо пропорциональна частоте упоминания имени, то есть $F = n(N)$ » – и ссылками на законы термодинамики. Ошеломленный преподаватель отреагировал жесткой отповедью: «Если вы полагаете, что исторический процесс обладает такой же строгостью, как законы математики, то ничего не понимаете в истории». Симонто́н потратил 50 лет, чтобы доказать, что профессор ошибался. Он защитил диссертацию по психологии и посвятил себя зарождающейся ветви научного познания – гениологии.

Это было непросто. Ученые хвалятся широтой воззрений, но не любят смутьянов. А в 1960–1970-х гг. творчество и гениальность считались темами несерьезными. Казалось бы, странно: разве не вузы должны выпускать гениев? Однако все в порядке вещей. Как метко заметил писатель Роберт Градин, «общество предпочитает не трогать два вида тем: те, которые презирает, и те, которыми дорожит». Изучение гениальности попадает в обе категории. В теории мы восхищаемся творцом-одиначкой, который отважно преодолевает инерцию среды и косность посредственностей. Но втайне (а может, и не втайне) презираем «всезнайку», особенно если его идеи необычны и опасны.

«Когда я говорил, что хочу изучать гениальность, люди крутили пальцем у виска, – смеется Симонто́н. – Мне перечисляли научные журналы, в которых меня не опубликуют». Но Симонто́ну, по его признанию, было не занимать упрямства. Он решил доказать, что его критики ошибаются.

Десятки лет Симонто́н разрабатывал странную и увлекательную дисциплину под названием историометрия: изучение прошлого методами современной социальной науки, особенно статистики. Историометрия – это своего рода психологическая аутопсия, с тем лишь отличием, что «вскрытию» подвергается не отдельный человек, а целое общество. Однако ее интересуют не те события, которые являются предметом традиционной истори-

ческой науки, вроде войн, убийств или природных катаклизмов. В центре ее внимания находятся яркие исторические периоды, которые были ознаменованы удивительными произведениями искусства, глубокими философскими изысканиями и научными прорывами.

Симонтон очень быстро подметил явление, ключевое для историометрии: число гениев меняется от места к месту и от эпохи к эпохе. Гении не разбросаны случайно (один в Сибири, другой в Боливии), а возникают группами. Где есть один гений, там есть и другие гении – вспомним хотя бы Афины середины V века до н. э. или Флоренцию начала XV века н. э. Те или иные места в те или иные времена порождают соцветия блестящих умов и ярких идей.

Но почему? Теперь мы знаем, что дело не в генетике. Золотые века возникают и заканчиваются намного быстрее, чем меняются генофонды. Так в чем же тогда причина? В климате? В деньгах? В слепой случайности?

Обычно мы смотрим на творческую гениальность иначе. Мы думаем, что гениальность – дело сугубо «внутреннее». Но чем тогда объяснить соцветия гениев? И будь творчество лишь внутренним процессом, психологам удалось бы выявить универсальный «профиль творческой личности». Однако они этого не сделали и едва ли сделают. Гении могут быть и мрачными интровертами, как Микеланджело, и жизнерадостными экстравертами, как Тициан.

Подобно Гальтону, мы подошли к делу с неправильной стороны и задаем неправильные вопросы. Надо спрашивать не «*Что* есть творчество?», а «*Где* есть творчество?». Я веду речь не о театрах и ресторанах больших столиц. Все это – *следствие* творчества, а не источник. Я говорю и не о бесплатном питании и креслах-мешках – меня интересуют глубинные условия, зачастую неожиданные, которые становятся благодатной почвой для расцвета золотого века. Одним словом, я говорю о культуре.

Культура – это не только «набор общих подходов, ценностей и целей» (как полагает словарь)⁴. Это великий и незримый океан, в котором мы существуем. Или, если выразаться современным технологическим языком, культура – это общая IT-сеть. Да, она капризна и слишком часто ломается. Но без нее мы не можем толком общаться и действовать. Лишь сейчас мы начинаем глубже понимать взаимосвязь между культурной средой и самыми творческими идеями. Симонтон и несколько его коллег потихоньку разработали новую теорию креативности, которая объясняет, при каких обстоятельствах появляются гении.

Я хочу исследовать географию гения: облечь цифры Симонтона в плоть и кровь. Да, это нелегкая затея: соцветия гениев обусловлены не только местом, но и временем – нередко далеким от настоящего. Как судить о былом? Ведь нынешние Афины сильно отличаются от Афин Сократа. И все же я надеюсь, что остается какой-то дух места – «гений места».

Я сообщаю Симонтону о своих планах и получаю одобрителный кивок. Я уже направляюсь к выходу, когда он произносит имя: Альфонс Декандоль.

– Никогда не слышал о нем.

– Еще бы, – улыбается Симонтон.

Оказывается, это швейцарский ботаник, современник Гальтона. Гипотезу о наследственности таланта он считал абсолютно неверной, о чем и написал в своей книге (1873). Декандоль детально и убедительно объяснил, что гениальность обусловлена окружающей средой, а не генетикой. В отличие от Гальтона он учитывал свои культурные предубеждения. Скажем, того или иного швейцарского ученого он признавал гением лишь в том случае, если таково было мнение ученых за пределами Швейцарии. Его книгу «История науки и ученых за два века» Симонтон называет «одной из величайших книг, когда-либо написанных о гениальности».

Кто сейчас о ней помнит? Люди не желали слушать Декандоля.

⁴ Определение взято из словаря Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. – Прим. пер.

– Это просто дружеское предупреждение, – говорит Симонтон на прощание.

Я выхожу на улицу, в дремотный полдень. Прохожу улочками кампуса к бару. Заказываю крепкий напиток и задумываюсь. Что делать дальше?

Я выбрал шесть исторических мест, не считая «здесь и теперь». Среди них есть города крупные (Вена начала XX века) и совсем крошечные по современным меркам, вроде Флоренции времен Возрождения. О некоторых местах (как Древние Афины) знают многие, о других (скажем, Калькутте XIX века) – мало кто. Но каждое из этих мест олицетворяет один из пиков человеческих достижений.

Почти все это – города. Мы любим природу – тропинку в лесу и плеск водопада, но в городской среде есть нечто, способствующее творчеству. Как гласит африканская пословица, нужна деревня, чтобы вырастить ребенка. А чтобы вырастить гения, нужен город.

Я обдумываю предстоящие странствия, и в голове рождаются все новые вопросы. В какой атмосфере жили эти гении? Всегда в одной и той же – или разной? Ведь было же что-то в самом воздухе этих мест. Но было ли оно одинаковым? И когда *zeitgeist* (дух времени) исчез, исчез ли вместе с ним гений места? Или какие-то следы остаются?

Но один вопрос постепенно вытесняет все прочие: не «как?» и «что?», а «зачем?». *Зачем* мне это путешествие? Напрашивается ответ, что это естественный следующий шаг в составлении летописи величайших достижений человечества – будь то погоня за счастьем или поиски вершин духа. Надеюсь ли я в глубине души, что и на меня снизойдет гениальность? Увы: я уже не молод, и мечты стать новым Эйнштейном или новым Леонардо давно канули в небытие (вместе с шевелюрой). Но у меня есть девятилетняя дочь, яркая и одаренная. Может, у нее получится? У нее есть все шансы – а какой отец не мечтает втайне, что из его ребенка вырастет новый Дарвин или Мария Кюри? Потому-то мы склонны направлять свою энергию на *них* – скажем, прививать им любовь к знанию и умение обучаться или показывать всю широту открывающихся интеллектуальных возможностей.

Быть может, мы беспокоимся за гены, которые передали им. Но в моем случае это не так: моя дочь приемная, родом из Казахстана – невротические гены моего рода не скажутся на ней. Мы с женой можем дать ей лишь воспитание, а не природу. И мне кажется, это важнее всего.

Как только не называли семью: клан, племя, «один из шедевров природы» (Джордж Сантаяна), «гавань в бездушном мире» (Кристофер Лэш). Все это верно. Однако семья – это еще и микрокультура, на которую мы влияем более непосредственно и глубоко, чем на любую другую культуру. Подобно всем культурам, семья может и стимулировать творчество, и гасить его.

Если задуматься, ответственность очень велика. Не случайно до сего момента я старался не думать о ней. Но теперь все будет иначе. Творчество, как и милосердие, начинается дома. И, отправляясь в путь по векам и континентам, я даю себе слово не забывать эту великую истину.

Глава 1

Все гениальное просто: Афины «Свет. Кажется, это свет...»

Эта мысль зарождается в моем полусонном мозгу, пробуждая азарт новоиспеченного любителя древностей. Да, свет. Я стряхиваю с себя часы, проведенные в душном салоне «боинга». Свет.

Большей частью я не задумывался о свете. Не поймите меня превратно: свет – дело хорошее. Лучше, чем тьма. И все же я воспринимал его сугубо утилитарно. Но в Греции это невозможно. Греческий свет – живой и динамичный. Он танцует вокруг, отбрасывая всюду отблески и постоянно меняя яркость и оттенки. Греческий свет – сильный и резкий. На него нельзя не обратить внимание, а внимание, как я вскоре пойму, – это первый шаг к гениальности. Я выглядываю из окна такси, прикрывая глаза от яркого утреннего солнца, и спрашиваю себя: неужели я нашел одну из частей греческой картинки-загадки?

Хотелось бы думать, что ключи где-то рядом. Ведь эта загадка мучила поколения историков и археологов, не говоря уже о самих греках. Им не давал покоя вопрос: почему? Почему именно *здесь*? Почему в этой земле – залитой солнцем, но не самой примечательной – появился удивительный народ, о котором великий филолог Хамфри Китто сказал: «... не очень многочисленный, не очень могущественный, не очень хорошо организованный, но совсем иначе взглянувший на человеческое предназначение и впервые показавший роль человеческого ума».

Невиданный расцвет был недолгим. Считается, что период «классической Греции» длился 186 лет. Однако его кульминация, время между двумя войнами, охватывает всего 24 года. Что это для человеческой истории? Краткий миг, вспышка молнии в летнем небе, птичий посвист. Почему этот период был столь скоротечен?

Древняя Греция. Такси замедляет ход, медленно пробираясь по улицам (древние весьма удивились бы нашим часам пик!), а я размышляю над этими двумя словами. Мне становится неловко за себя: сколько я еще не знаю и как скучно то немногое, что знаю! Если я и думал о греках, то представлял себе суровых и невеселых людей, ломавших голову над неразрешимыми жизненными проблемами. Что мне до них? Мне надо оплачивать счета, отправлять электронную почту и доделывать срочную работу. Казалось, что древние греки имеют к моей жизни такое же отношение, как кольца Сатурна и тригонометрия.

Однако я ошибался (впрочем, не первый и не последний раз). В древности не найдешь нации более живой и актуальной для нас, чем греки. Все мы немножко греки, знаем мы об этом или нет. Если вам доводилось голосовать, или быть в составе коллегии присяжных, или смотреть кино, или читать роман, или беседовать за бокалом вина с друзьями (хоть о футбольном матче, хоть о сущности истины), вы можете сказать спасибо грекам. Когда вы высказывали разумную мысль, или задавались вопросом «почему?», или в безмолвном изумлении взирали на ночное небо, это было греческое мгновение. Если вы когда-либо говорили по-английски, опять-таки поблагодарите греков – ведь столь много наших слов восходят к богатому греческому языку, что греческий премьер-министр как-то произнес речь на английском языке, используя только греческие заимствования. Грекам мы обязаны демократией, наукой и философией. Они же, к добру или худу, дали нам письменные договоры, серебряные и бронзовые монеты, налоги, письменность, школы, коммерческие ссуды, технические справочники, большие корабли, инвестиции с разделенным риском и проживание землевладельцев вне своих участков. Почти каждая часть нашей жизни вдохновлена греками, вклю-

чая само понятие вдохновения. «Благодаря грекам мы стали думать и чувствовать иначе», – говорит историк Эдит Гамильтон.

Такси останавливается возле светло-серого трехэтажного здания, которое выделяется среди соседних построек лишь вывеской: «Hotel Tony». Я захожу в непрезентабельный вестибюльчик с белыми стенами, уставленный расшатанными стульями и сломанными кофеварками – вещами, в которых больше не нуждаешься, но с которыми жаль расставаться – из сентиментальности или в силу привычки. Как и Греция, гостиница Hotel Tony знала лучшие времена.

То же можно сказать и о самом Тони. Греческое солнце избороздило морщинами его лицо, а греческая кухня прибавила полноты и даже монументальности. Тони грубоват и обаятелен, он напоминает старую Грецию времен драхмы. Меньше евро, больше очарования. Подобно многим грекам, Тони очень артистичен. Он говорит чуть громче необходимого, бурно жестикулируя, независимо от темы. Словно выступает в Greek Idol⁵. И так все время.

Я плюхаюсь на кровать, достаю из багажа книги и начинаю их перелистывать. Они лишь крупница в море литературы, посвященной Древней Греции. Мой взгляд привлекает необычная книжка под названием «Повседневная жизнь в Афинах времен Перикла» (Daily Life in Athens at the Time of Pericles)⁶. К счастью, она непохожа на обычные исторические труды, которые не только убийственно занудны, но и взирают на события с такой горней высоты, откуда заметны лишь войны, катаклизмы да крупные идеологические движения. Их авторы напоминают метеорологов, которых в погоде интересуют циклоны и антициклоны. Мы, обыватели, воспринимаем погоду иначе: капли ливня на волосах, тепло солнечных лучей на лице, раскаты грома, от которых все замирает внутри. Так и с историей: история человечества – это не череда революций и переворотов. Это повесть о потерянных ключах, подгоревшем кофе и детях, спящих в колыбели. История сложена из мириад повседневных мгновений.

В этой бытовой сутолоке то тут, то там мы слышим тихие шаги гениев. Зигмунд Фрейд лакомится любимыми бисквитами в венском кафе Landtmann. Эйнштейн выглядывает из окна швейцарского патентного ведомства в Берне. Леонардо да Винчи оттирает пот со лба в жаркой и пыльной флорентийской мастерской. Да, этим людям приходили в голову великие мысли, изменившие мир. Но все было неброско. И очень приземленно. Всякий гений, как и всякая политика, неотделим от своей среды.

С этой новой и земной точки зрения я много узнаю о древних греках. Например, они любили танцевать. Интересно, как выглядели такие номера, как «Кража мяса» и «Чесотка»? Я узнаю, что перед физическими упражнениями юноши натирались оливковым маслом и «мужской запах оливкового масла в гимнасии считался более сладким, чем благовония». Оказывается, греки не носили нижнее белье, считали сросшиеся брови признаком красоты, любили слушать пение цикад (а также употреблять их в пищу). Вдобавок ко многим интересным мелочам книга описывает, *что* греки производили, хотя, к сожалению, не касается важного для меня момента: *как* они это производили.

Но прежде чем браться за дело, я нуждаюсь в том, чего у древних греков не было: кофе. Однако этот напиток богов нельзя поглощать где угодно. Место имеет значение.

Кафе для меня как дом. Оно яркий пример того, что социолог Рэй Ольденбург назвал «третьим местом». Меню не играет роли (или почти не играет). Главное – атмосфера: не скатерти и мебель, а нечто неуловимое в обстановке, что позволяет ощутить себя легко и спокойно в органичном переплетении стука посуды с мирной тишиной.

⁵ Greek Idol – греческий телеконкурс, в котором зрители определяют лучшего певца. – Прим. пер.

⁶ Эту книгу написал Робер Фласельер (1904–1982), видный французский филолог-классик. – Прим. пер.

Не знаю, как древние, – а нынешние греки далеко не «жаворонки». В восемь часов утра улицы пустынные: лишь кое-где протирает сонные глаза лавочник да мелькнет группа полицейских в экипировке, достойной Робоккопа, – напоминание о том, что в третьем тысячелетии Афины так же беспокойны, как в античные времена.

Следуя указаниям Тони (он выдавал их, дико размахивая руками), я сворачиваю на тихую улочку, усеянную кафе и магазинчиками, которые олицетворяют уютную общинность, свойственную древнему городу. И вот мое «третье место». Называется оно «Мост». Подходящее название: ведь я собрался строить мост между столетиями...

«Мост» не шикарное заведение, а всего лишь маленькое уличное кафе. Столики расставлены возле дороги: сиди себе и разглядывай прохожих, словно в театре. В таких кафе греки любят проводить досуг – ничего не делают, а просто сидят, компаниями и поодиночке. Сидят в летнюю жару и зимний холод. Могут обойтись без стула: довольно дорожного бордюра или пустой картонной коробки. Никто не умеет сидеть так, как сидят греки.

«Калимэра (добрый день)!» – говорю я и присаживаюсь за столик. Заказываю эспрессо и грею руки о чашку. Утренний воздух свеж, но день обещает быть теплым. «Может, мы обанкротимся – но погода-то останется хорошей!» – оптимистично заявил мне Тони, когда я выходил из гостиницы. И ведь он прав: здесь не только само пространство пронизано светом, но и небо безоблачно триста дней в году. Воздух же достаточно сух. Может, именно климатом объясняется афинский гений?

К сожалению, нет. Возможно, климат сделал мысль древних греков более острой, но не он был ее причиной. Начать с того, что погода в Греции не слишком изменилась с середины V века до н. э., однако гении с тех пор повывелись. В то же время золотые эпохи расцветали и в менее уютных землях – взять хотя бы бардов елизаветинского Лондона: они творили под сумрачным английским небом.

Я заказываю второй эспрессо. В моей голове происходит перезагрузка, и я осознаю, что слишком спешу. Я иду по следу гения, но знаю ли, что это значит? Как я уже сказал, гений – человек, благодаря которому совершается интеллектуальный или творческий скачок. Но кто решает, что считать скачком?

Мы решаем. Фрэнсис Гальтон сделал много ошибок, но его определение гения, хотя и типично сексистское, попадает в яблочко: «человек, которому свет охотно сознает себя обязанным». Примут ли тебя в клуб гениев, зависит не от твоего гения, а от коллег и общества. Это публичный вердикт, а не частное мнение. Согласно одной теории (назовем ее «теорией моды»), в него все и упирается. Считают ли человека гением, целиком зависит от моды и капризов времени. «Творчество невозможно отделить от его признания», – полагает психолог Михай Чиксентмихайи, основной сторонник этой теории. Грубо говоря, гений есть тот, кого назовут гением.

На первый взгляд это нелогично и даже оскорбительно. Не может все упираться в человеческое суждение – есть же и объективные вещи!

Ничуть, отвечают нам. Вспомним Баха. При жизни его не слишком почитали, а «гением» объявили лишь через 75 лет после смерти. Надо полагать, он долго ходил в «непризнанных гениях». Но что это значит? «Что, помимо неосознанного тщеславия, оправдывает данное суждение?» – спрашивает Чиксентмихайи. Утверждение, что это *мы* открыли гениальность Баха, подразумевает, что наши предшественники были идиотами. А что, если в будущем Баха изгонят из пантеона гениев? Как *мы* будем выглядеть?

И таких примеров много. Во время премьеры «Весны священной» Стравинского в Париже в 1913 г. зрители освистали артистов. Критики обозвали этот балет «извращением». А теперь говорят: классика. Когда Моне представил публике свой цикл «Кувшинки», искусствоведы называли вещи своими именами: у художника испортилось зрение. И лишь впо-

следствии, когда абстрактный импрессионизм вошел в моду, эти картины были объявлены гениальными.

Еще один аргумент в пользу «теории моды» – греческие вазы. Сейчас они, на радость туристам, выставлены в музеях по всему земному шару. Они находятся за пуленепробиваемыми стеклами под вооруженной охраной. Однако греки не приходили в восторг от этих ваз, а использовали их в бытовых нуждах. Вазы были самыми обычными предметами. Греческая керамика стала считаться высоким искусством лишь в 1970-х гг., когда художественный Метрополитен-музей в Нью-Йорке заплатил более \$1 млн за одну вазу. Так когда же эти глиняные горшки превратились в творение гения? Нам нравится думать, что вазы были им всегда, просто люди не сразу осознали их гениальность. Но это не единственное возможное объяснение. «Теория моды» полагает, что вазы стали шедеврами лишь в 1970-х гг., когда это заявил (на языке денег) Метрополитен-музей.

Неужели все настолько субъективно? Мысль об относительности гения беспокоит меня, пока я заказываю еще один эспрессо и обдумываю, как подступиться к решению Великой Греческой Загадки. Почему это место воссияло столь ярким светом? Климат я уже исключил. Может, дело в чем-то столь же простом – в скалистой местности, свободных одеждах или вездесущем вине?

Афины просыпаются, и «Мост» становится удобной точкой обзора. Откинувшись на спинку стула, я вглядываюсь в море лиц. Это ли потомки Платона и Сократа? Таким вопросом задаются и многие ученые. Один австрийский антрополог заявил, что нынешние греки происходят не от Платона и его соплеменников, а от славян и албанцев, переселившихся сюда столетия назад. Эта теория вызвала в Греции легкий переполох. Грекам не понравилась мысль о том, что они не дети Платона. «Не сомневаюсь, – заявил некий политик, – что мы прямые потомки древних. У нас те же самые пороки!»

И какие пороки! Древние греки были отнюдь не ангелами. Они устраивали дикие недельные праздники, пили вино в невероятных количествах и знали толк в каждой разновидности секса. Но, несмотря на все эти выходки (или благодаря им?), сумели подняться на такие высоты, которые были недоступны иным цивилизациям. Это то, что нам известно и понятно. Остальное мутно, как стакан узо. Более того, мое исследование сталкивается с первой заминкой: оказывается, Древней Греции в строгом смысле не существовало. Существовали Древние *Греции* – сотни независимых полисов (городов-государств), которые, несмотря на общность языка и некоторых культурных особенностей, отличались друг от друга не меньше, чем Канада от ЮАР. У каждого полиса было свое правительство, свои законы, свои обычаи и даже свой календарь. Правда, города торговали друг с другом, соревновались в спорте и подчас вступали в кровавые войны, но большей частью жили сами по себе.

Как такое получилось? Дело в местном рельефе. Скалистый и гористый, он создавал между городами природные барьеры, превращая их в наземные острова. Неудивительно, что в этих землях возникли самые разные микрокультуры.

И это к лучшему. Природе чужд не только вакуум – ей чужда и монополия. Именно времена фрагментации озаменовались самыми существенными творческими скачками. В этом состоит закон Данилевского: народы лучше реализуют свой творческий потенциал, если принадлежат к независимому государству – пусть даже крошечному. Очень разумно! Если считать мир лабораторией идей, то чем больше в ней чашек Петри, тем лучше.

В Греции одна чашка Петри превзошла все другие: Афины. Этот город дал больше блестящих умов – от Сократа до Аристотеля, – чем любое другое место планеты. (Лишь Флоренция эпохи Возрождения отстала ненамного.)

Однако в те времена никто не предрек бы Афинам такое будущее. Начнем с того, что греческая земля мало подходила для земледелия: камни да скалы. «Скелет истощенного

недугом тела», – сказал о ней Платон⁷. К тому же Афины были маленькими: в них жило не больше людей, чем в канзасском городе Уичито. Были места побольше (Сиракузы), или побогаче (Коринф), или посильнее (Спарта) – но вперед вырвались Афины. Почему? Был ли афинский гений лишь слепым везением, – «счастливы сошлись обстоятельства», как выразился историк Питер Уотсон, – или афиняне сами стали кузнецами своего счастья? Боюсь, эта загадка поставила бы в тупик и Дельфийского оракула.

И все же, основательно накофеинившись и преисполнившись простодушной отваги, я отправляюсь искать ключи к тайне. Для начала, решаю я, следует пообщаться с нужными людьми.

«Добро пожаловать в мой кабинет», – произносит Аристотель с театральным, а-ля Тони, жестом руки. Чувствуется, что эта фраза ему привычна. И его можно понять: ведь мы находимся над Афинами, на вершине Акрополя.

Мы встретились несколькими часами ранее, в вестибюле Hotel Tony. Поначалу мне показалось, что на грека он не похож: светлая кожа, непослушные рыжие волосы, свисающие на лицо подобно занавеске. Но вскоре я понял, что моя мысль смехотворна: типично греческой внешности не существует, как не существует внешности французской или американской. Греки не одна раса и никогда ею не были.

Второе впечатление: мой собеседник выглядит возбужденным. В чем дело? Быть может, сказывается стресс из-за непрерывного кризиса, что царит ныне в Греции? Непонятно. Но сомнений нет: он далек от спокойствия. Однако, пока мы идем и разговариваем, я понимаю, что принял за нервозность страсть – страсть к истории, которая струится сквозь него током в 220 вольт (а может, и больше).

Мы шагаем к Акрополю, и я ожидаю подходящего случая, чтобы узнать имя своего гида. А услышав, что его зовут Аристотель, нахожу это знаменательным. Что может быть более правильным и более греческим, чем идти по стопам Аристотеля вместе с Аристотелем?

Мы пересекаем пешеходную улицу, уже полную прохожих. И тут я решаю взять быка за рога, вспомнив великого философа.

– Какое у вас интересное имя, Аристотель, – робко говорю я.

Спутник пожимает плечами.

– Неудобное имя, – коротко отвечает он, оставляя меня гадать, в чем же состоит неудобство. Друзья называют его Ари – к его величайшему неудовольствию. Впрочем, признает он, это хотя бы как-то отдаляет его от философа, а также от Аристотеля Онассиса – судовладельца, миллиардера и мужа Жаклин Кеннеди.

Мы обходим туристов и спецподразделение полиции. Аристотель рассказывает, как стал гидом-экскурсоводом. Он хотел служить в греческой армии, но его не взяли. Почему не взяли, я не понял, а расспрашивать не стал: чувствовалось, что вопрос болезненный. Тогда Аристотель занялся археологией, с головой уйдя в прошлое. И не просто прошлое, а прошлое, отстоящее от наших дней на полтора тысячелетия. Его специальность и страсть – античные кровли. Оказывается, о цивилизации можно многое узнать по кровлям.

– Мы сейчас ведем себя очень по-гречески, – замечает Аристотель.

– Неужели? Мы ведь просто идем.

– Вот именно. Древние греки много ходили.

И не просто ходили: думали и философствовали на ходу.

⁷ В диалоге «Критий». Цитируется в пер. С. Аверинцева по изд.: Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1994. – Прим. пер.

И, как обычно, знали, что делают. Ведь многие гении создали свои шедевры во время прогулок. Работая над «Рождественской песней», Диккенс исходил десятки километров по ночным лондонским улицам. Марк Твен тоже много прогуливался, хотя большей частью возле рабочего стола. Его дочь вспоминает: «Диктуя, отец нередко ходил туда-сюда... И тогда казалось, что в комнату вливается свежий дух».

А недавно ученые решили изучить взаимосвязь между ходьбой и творчеством. Стэнфордские психологи Мэрили Оппеццо и Дэниэл Шварц провели эксперимент, в котором участвовали две группы людей: одни ходили, другие сидели. Обе группы выполняли «тест Гилфорда на альтернативное использование»: придумывали нестандартное применение обычному предмету. Цель этого теста – измерить «дивергентное мышление», один из важных компонентов творчества. Дивергентное мышление – это способность решать задачи разными и подчас неожиданными способами. Дивергентное мышление спонтанно и свободно. Напротив, конвергентное мышление более линейно и предполагает сужение, а не расширение возможностей. Конвергентные мыслители пытаются найти единственный правильный ответ на вопрос. Дивергентные мыслители ищут нетривиальный ракурс.

Судя по результатам, опубликованным в *Journal of Experimental Psychology*, древние греки интуитивно догадались о чем-то важном. Креативность «стабильно и значительно» повышалась во время ходьбы. Причем, что удивительно, не имело значения, ходил ли человек по улице или в помещении на беговой дорожке перед пустой стеной, – все равно творческих решений было в два раза больше, чем у «сидельцев». Чтобы подстегнуть креативность, долго ходить не требовалось: хватало от 5 до 16 минут.

Древние греки, жившие за столетия до беговой дорожки, ходили по улице. И вообще все делали на улице. Дом служил главным образом спальней. Если не считать сна, греки оставались там не более получаса. («Как раз достаточно, чтобы сделать все дела с женами», – замечает Аристотель, когда мы подходим к воротам Акрополя.) Остальное время они проводили на агоре (городской площади), занимались в гимнасии или палестре (местах для физических упражнений) или ходили по холмам, окружающим город. И все эти занятия не были второстепенными, ибо, в отличие от нас, греки не проводили четкой границы между физической и умственной деятельностью. Знаменитая Платоновская академия, предшественница нынешних университетов, была местом не только философских дискуссий, но и телесных упражнений. Тело и ум считались неразрывными частями целого. Как говорится, в здоровом теле здоровый дух. Помните роденовского «Мыслителя»? Настоящий греческий идеал: мускулистый мужчина, погруженный в раздумья.

А вот и сам Акрополь («верхний город»). Это не здание, а место на высоком холме с плоской вершиной и родниковыми источниками поблизости. Такое расположение неслучайно. Греков отличало тонкое чувство пространства. Скажем, Сократ превозносил выгоды ориентации дома на юг за два тысячелетия до нью-йоркских агентов по недвижимости. Здания были не просто сооружениями – каждое обладало духом, «гением места» (*genius loci*). Греки были убеждены, что качество мысли определяется тем, где человек при этом находится. Не случайно одна из философских школ обязана своим названием архитектурному стилю: слово «стоики» восходит к слову «стоа́» («крытая колоннада»), ибо стоики философствовали в «расписном портике».

Мы карабкаемся на самый верх, где с величественной уверенностью восточного монарха или судьи расположился Парфенон. И слава его, замечает Аристотель, заслуженна. Это один из величайших шедевров инженерного искусства. Ведь даже доставить на холм тысячи блоков мрамора было нелегкой задачей. А дальше – труды плотников, кузнецов, медников, каменщиков, красильщиков, живописцев, ткачей, прядильщиков, лепщиков, сапожников, шахтеров, изготовителей канатов и строителей дорог. Как ни странно, строители сде-

ляли свою работу очень быстро, при этом уложившись в бюджет (что, согласитесь, бывает нечасто).

– Как вам колонны? – спрашивает Аристотель.

– Изумительно! – отвечаю я, пытаюсь понять, к чему он ведет.

– Они прямые?

– Разумеется.

Аристотель хитро улыбается:

– Вовсе нет. – Он достает из рюкзака иллюстрацию Парфенона. Оказывается, прямизна и строгость линий – иллюзия. В здании нет ни единой прямой линии. Каждая колонна имеет легкий изгиб. Хорошо сказал об этом французский писатель Поль Валери: «Перед мастерски облегченной, совсем безыскусной на вид громадой мы даже не замечали, как нас исподволь приводили в восторг неуловимые изгибы, легчайшие чарующие наклоны и те утонченные комбинации правильных и неправильных форм, которые он (архитектор) вводил и скрывал, наделяя их силой столь же неотразимой, сколь и загадочной»⁸.

Эти слова – «комбинации правильных и неправильных форм» – западают мне в память. Есть в них нечто более глубокое, чем просто наблюдение об инженерных приемах. Ведь все Древние Афины сотканы из сочетаний прямого с изогнутым, упорядоченного с хаотическим. Здесь и суровый законодательный кодекс, и сутолока городской площади, и строгие статуи правителей, и улицы, выстроенные словно без плана. Мы привыкли думать, что греки – люди рациональные, с четким логическим мышлением. И так оно и есть. Однако была в них и иррациональная сторона. В классических Афинах заметна некая «безумная мудрость». Людьми руководил «фобос» («страх», «ужас»): «тот благоговейный страх и трепет, который возникает в присутствии сверхъестественной силы или при ощущении ее» (Робер Фласельер). Греки страшились безумия, но считали его «даром богов».

Тема беспорядка важна в греческой космогонии: в начале вещей был не свет, а хаос. Однако хаос не стоит воспринимать непременно в негативном ключе. Греки (и, как я вскоре узнаю, индусы) видели в хаосе сырье для творчества. Не потому ли афинские вожди отказывались «упорядочить» городской план? Конечно, основные соображения были практическими: в петляющих улицах легче обороняться от захватчиков. Но нельзя исключить и интуитивное понимание, что хаотичность стимулирует творческую мысль.

Все это не означает, что греки были халтурщиками. Аристотель сопоставляет их с другой великой цивилизацией: «Египтяне достигали совершенства, как они его понимали, и останавливались. А греки всегда хотели большего. Всегда хотели лучшего». Поиск совершенства был столь всепоглощающим, что греческие скульпторы уделяли задней стороне статуй не меньше внимания, чем передней. В облике Парфенона заметно и еще кое-что: явное желание заткнуть за пояс другие города-государства. Зодчий Иктин, возводивший Парфенон, видел храм Зевса Олимпийского и хотел превзойти его. «Ими всегда двигал дух соревнования», – говорит Аристотель. Не здесь ли следует искать истоки гениальности?

Современные исследователи, изучающие гений, занимались сходным вопросом. Интересное исследование провела Тереза Амабайл, психолог из Гарвардского университета. Ее интересовало, как повлияет на творческое мышление обещание награды. Она разделила команду добровольцев на две группы. Каждую группу попросили сделать коллаж. Но одной сказали, что работу оценят художники, после чего авторам наиболее творческих коллажей выдадут денежную премию. Другой же предложили, по сути дела, просто развлечься.

Разница в результатах была разительной. Согласно выводам жюри, те, кого не оценивали и за кем не наблюдали, создали намного более творческие коллажи. В последующих исследованиях, проведенных Амабайл и ее коллегами, наблюдалась сходная картина.

⁸ Пер. В. Козового. Цит. по изд.: Валери П. Об искусстве. – М.: Искусство, 1976. – Прим. пер.

Ожидание награды или оценки, *даже позитивной*, пагубно сказывалось на творчестве. Амабайл называет данный феномен теорией внутренней мотивации. Коротко говоря, «люди проявляют максимум творческих способностей, когда ими движут преимущественно интерес, удовольствие, радость и вызов со стороны работы как таковой, а не давление внешних обстоятельств». Она предупреждает, что многие школы и корпорации ненароком *гасят* творчество, повышая роль наград и оценок.

Звучит убедительно и, как подсказывает интуиция, вполне логично. Кто из нас не испытывал ощущение творческой свободы, которое дарят заметки, написанные в стол, или наброски в личном дневнике, когда знаешь, что никто не увидит твои потешные каракули?

Однако в жизни не все так просто. Если дело в одной лишь чистой радости от самого действия, то почему спортсмены показывают на состязаниях лучшие результаты, чем во время тренировок? Почему Моцарт бросал начатое, когда заказчик отменял заказ? Почему столь многих ученых мотивирует желание получить Нобелевскую премию? Джеймс Уотсон и Фрэнсис Крик, впервые описавшие структуру ДНК, открыто признавались, что их целью было удостоиться Нобелевки (и в 1962 г. эта цель была достигнута). Желание быть первыми выводило на вершины мастерства зодчих Древних Афин. Один из героев Гомера описывает отцовские наставления:

...и мне заповедовал крепко
Тщиться других превзойти, непрестанно пылать отличиться.

(Илиада, 6.207–208)⁹

А Гомер был для древних греков высочайшим авторитетом.

Некоторые недавние исследования заставляют усомниться в теории внутренней мотивации. Джекоб Эйсенберг, профессор бизнеса в Университетском колледже Дублина, и Уильям Томпсон, психолог из Университета Маккуори, выяснили, что опытные музыканты импровизируют более творчески, если их соблазняет публичность или денежная награда. Вот вам и теория внутренней мотивации! Где ошибка – у Амабайл или Эйсенберга с Томпсоном?

Однако, скорее всего, противоречия нет. По мнению Эйсенберга и Томпсона, в этих экспериментах участвовали разные типы людей. Амабайл работала с новичками и любителями, а они – с профессионалами, у каждого из которых был как минимум пятилетний стаж работы. По-видимому, опытных творцов конкуренция мотивирует, а неопытным только мешает.

Разрабатывается теория, согласно которой в идеале нужна комбинация внутренней и внешней мотивации. Первоначально человека стимулирует обещание награды (скажем, денег или статуса). Однако, погрузившись в работу, он входит в особое психологическое состояние, называемое «поток», и тогда забывает о меркантильности, а порой и о времени. Так было с Уотсоном и Криком: они мечтали о Нобелевке, но она отступала на задний план, когда они с головой погружались в исследования.

Вопрос не столько в том, склонен ли человек к соперничеству, сколько в том, *для чего* (или *для кого*) он вступает в борьбу. В Древних Афинах ответ был ясен: для города. Афиняне испытывали глубокое чувство родства со своим городом, которое нам даже трудно себе представить. Ближе всего к этому нынешнее понятие «гражданского долга», но оно предполагает обязанность, а не удовольствие. То, что чувствовали афиняне, правильнее было бы назвать *гражданской радостью*. Причудливость этого сочетания слов в нашем восприятии – яркое свидетельство пропасти, отделяющей нас от людей Древнего мира.

⁹ Пер. Н. Гнедича. Цит. по изд.: Гомер. Илиада. – М.: Правда, 1984. – Прим. пер.

Впрочем, социальные ожидания тоже имели место. Аристотель говорит, что афиняне называли человека, не участвующего в делах общества, словом «иди́отис». (К нему восходит наше «идиот».) Апатическая обособленность не была присуща афинянам – во всяком случае надолго. У знаменитого историка Фукидида есть такие слова: «Мы... признаем человека, не занимающегося общественной деятельностью, не благонамеренным гражданином, а бесполезным обывателем»¹⁰. Вот так – ни больше ни меньше. А я ныл, как капризный ребенок, когда две недели участвовал в суде присяжных.

Мы с Аристотелем присаживаемся на камень. Отсюда хорошо видны Афины. Куда ни кинь взгляд, обстановка урбанистическая: бескрайнее море невысоких домов и офисных зданий, дорожных развязок и антенн. Ничего не поделаешь: нынешние Афины мало похожи на Афины V века до н. э. Сейчас в этом городе есть сложные внутренние и внешние коммуникации, дорожные пробки и банкротства, айфоны и антидепрессанты, спутниковое телевидение и мясные полуфабрикаты.

Говорят, прошлое – чужая страна: в нем все по-другому. Пожалуй, так и есть. Но, к несчастью, в этой стране (в данном случае в Древней Греции) еще и строгий пограничный контроль. Она не любит незваных гостей, таких как я. Однако, если я хочу решить Афинскую Загадку, мне нужно преодолеть кордон. Вот только как?

«Прищурься», – советовал американский приятель, узнавший о моих планах с Афинами. Я тогда отшутился, а ведь идея неплохая: иногда можно увидеть больше, если сузить поле зрения, а не расширить его. Зум-объектив открывает не меньше, а иногда и больше, чем объектив широкоугольный.

Между тем Аристотель охлаждает мой пыл: в V веке до н. э. мне бы не понравилось. Великие Афины, колыбель западной цивилизации, место рождения науки, философии и много чего еще, были изрядной помойкой. Узкие и грязные улицы. Дома из дерева и глины, столь хлипкие, что грабители забирались в них, устраивая подкопы... (Кстати, слово «взломщик» по-древнегречески буквально означало «подкапывающийся под стены».) И ладно бы еще шум – крики торговцев на площади, дребезжащие звуки лютни, – но зловоние испортило бы нам прогулку. Люди облегчались во дворах своих домов или прямо на улицах, где грязь лежала до тех пор, пока раб не смывал ее. Условия были такими, что историк Якоб Буркхардт заметил: «Ни один разумный и нормальный человек нашего времени не захотел бы в них существовать». А сказал он это в XIX веке!

Итак, что же получается? Городок грязный, почва каменистая, вокруг враждебные соседи. Жители «никогда не чистили зубы, не пользовались носовыми платками, вытирали пальцы о волосы, плевали на землю и массово умирали от малярии и туберкулеза» (Робер Фласельер). Казалось бы, гению взяться неоткуда. Или наоборот?

Как оказалось, идея, что гениям нужны тепличные условия, – одно из крупнейших заблуждений. Наоборот, рай противопоказан гениям. Он расслабляет и расхолаживает – а творческий гений выковывается через поиск решений в трудных ситуациях. «Афиняне стали зрелыми, поскольку им бросали вызовы со всех сторон», – заметил Ницше. (Как тут не вспомнить его знаменитую фразу: «То, что нас не убивает, делает сильнее».) Творчество возникает как ответ окружающей среде. Греческая живопись стала откликом на удивительный свет вокруг, – и греческий художник Аполлодор первым создал иллюзию глубины пространства; греческая архитектура была ответом на причудливый ландшафт; греческая философия сформировалась как реакция на тревожные и смутные времена.

Рай – это совершенство, а совершенство не требует действий. Вот почему богатые люди и богатые страны часто застывают в развитии. Афины же и были, и не были бога-

¹⁰ Здесь и далее цит. по изд.: Фукидид. История. – Л.: Наука, 1981. Строго говоря, Фукидид здесь цитирует Перикла, великого государственного деятеля. – Прим. пер.

тыми. Помните, Джон Кеннет Гэлбрейт сказал, что Америка 1960-х гг. отличалась «частным великолепием и общественной скудостью»? А тут все наоборот: дома богачей были немногим приличнее, чем дома бедняков. Вообще афиняне с подозрением относились к личному богатству. Трагедии Эсхила наполнены историями о несчастьях, которые оно сулит. Всем, от ремесленника до врача, платили почти одинаково. Законы ограничивали траты на похороны и запрещали женщинам брать в путешествие больше трех платьев. В Древних Афинах, констатирует Льюис Мамфорд, видный философ техники, «бедность не смущала, а богатство вызывало недоверие».

Эта политика имела свои минусы (никаких излишеств в покупках – забудьте о прекрасной клепсидре, которую вы присмотрели на агоре), зато афиняне были свободны от мещанского стяжательства и потребительства. «Красота была дешевой, а лучшие блага жизни, и прежде всего сам город, – доступными: стоит лишь руку протянуть», – пишет Мамфорд.

А вот расходы на общественные нужды в Афинах были щедрыми. И средства на них черпали не только из кармана афинян. На Парфенон и другие славные проекты пошло немало денег из фондов, собранных Делосским союзом. Делосский союз был прообразом НАТО: альянсом против общего врага – персов. По сути, афиняне сказали союзникам: «Спасибо за взносы. Мы найдем им достойное применение». Что ж, никто не обещал, что колыбели гениев будут отличаться деликатными манерами...

Пока мы обходим Парфенон, Аристотель объясняет: получив массу денег от союзников, Афины внезапно стали центром Древнего мира. «Если вы были инженером, или архитектором, или скульптором, или философом, вы стремились сюда из всех сил».

Назовем это «теорией магнита»: Древние Афины (или Кремниевая долина) прославились креативностью, поскольку привлекли, подобно магниту, умных и амбициозных людей, яркие таланты. Трудно не согласиться. Однако не слишком ли простое объяснение? Да и что оно объясняет? «Здесь много творчества, поскольку сюда съехались творческие люди». Да, но *почему* эти люди съехались? Почему возник магнит?

Здесь мы упираемся в фактор времени. Со временем Периклу, великому афинскому вождю, в высшей степени повезло. Ведь большую часть истории Афины либо готовились к войне, либо воевали, либо оправлялись от войн. В период между Греко-персидскими войнами и Пелопоннесской войной (454–430 гг. до н. э.) в Афинах был мир. Именно тогда Перикл вплотную занялся культурными проектами. Именно тогда был построен Парфенон. Значит, одно из условий золотого века – мир.

Минутку, скажете вы: разве не войны породили многочисленные изобретения – скажем, реактивный двигатель и радар? Да, инновации возникают в военное время, однако у них узкая направленность: пушка лучше стреляет, самолет быстрее летает. И хотя подчас это можно применить в гражданских целях, конечный результат войны, как показал в своем подробном исследовании Дин Симонто, негативен. Причем «негативный эффект касается всех форм творчества, включая технологию».

Мы с Аристотелем сидим на древней каменной плите под лучами средиземноморского солнца, а вокруг роем ос толпятся туристы. Я задаю собеседнику прямой вопрос: почему именно Афины? Что было необычного в афинском воздухе?

На сей счет у Аристотеля не припасено ни ответа, ни меткой цитаты, ни картинки в рюкзачке. Обычно ему не задают такие вопросы. Величие Афин воспринимается как должное. Он долго думает, прежде чем ответить.

– Наверное, дело в политической системе. В отличие от других городов-государств у афинян была свобода слова и открытые дискуссии. В собрании оратор вставал на возвышение и обращался к аудитории в 7000 человек. И так по сорок раз в год. И никаких запретных тем. Если вы желали стать государственным деятелем, вам требовались красноречие и образование. Плюс выдержка. Люди оставались там от восхода до заката солнца, сначала обсу-

дая бытовые вопросы (например, запасы воды и зерна), а затем переходя к более серьезным... Так что – да, – уверенность в голосе Аристотеля крепнет, – дело в демократии.

А ведь не факт. Здесь все та же проблема: что было раньше – курица или яйцо? Демократия породила в Афинах творчество или расцвет творчества привел к демократии? И потом, в голове у меня звучат слова Дина Симонтона, который тщательно изучил вопрос и выяснил, что не существует корреляции между золотым веком и демократией. По его словам, важна *свобода*, а не демократия. А это не одно и то же. «Бывают просвещенные автократы. В Китае никогда не было демократии, но просвещенные автократы были». Некоторые психологи идут дальше: по их мнению, олигархии больше способствуют творчеству, чем демократии, поскольку в них меньше общественного контроля, а значит, больше готовности затевать рискованные и «ненужные» проекты. Поэтому, как ни боязно спорить с человеком по имени Аристотель, демократия сама по себе не объясняет величие Афин. Значит, нужно продолжать поиски.

Мы снова трогаемся в путь. Аристотель ведет меня в сердце Древних Афин. Это вовсе не Акрополь, как думал я (и не только я). Его священные стены остаются далеко позади. А мы через несколько минут входим в ворота и оказываемся перед руинами и остатками построек.

– Вот и пришли. – В голосе Аристотеля звучит торжество.

Агора. Буквально это слово означает «место народных собраний», однако агора была чем-то гораздо большим. Когда афиняне принялись восстанавливать город после разграбления персами, они начали не с храмов Акрополя, как можно было бы ожидать, – они начали отсюда, с подлинного центра города.

Здесь царили шум и сутолока. Продавцы расхваливали свой товар, а софисты превозносили свои ораторские услуги. Здесь сквозило напряжение; зачастую возникали споры, а подчас и потасовки. И все же афинянам нравилась агора, что многих удивляло. Персидский царь Кир сказал, что не испытывает уважения к людям, которые создали специальное место, «где собираются, чтобы обманывать друг друга и лгать под клятвой».

На афинской агоре торговали всем подряд. Если какая-то вещь существовала, ее можно было найти там. Комедиограф Эвбул перечисляет товары: «Фиги, повестки в суд, виноградные гроздья, репы, груши, яблоки, очевидцы на суде, розы, каша, медовые соты, турецкий горох, судебные тяжбы, медовые пирожки, мирт, устройства для бросания жребия, ирисы, барашки, водяные часы, законы, обвинительные акты». Конечно, торговали не вперемешку. Отдельные ряды предназначались для свежих фруктов и сушеных фруктов, свежей рыбы и копченой рыбы, пряностей и благовоний, обуви и лошадей. Был и рынок воров (керкопов), где сбывали краденое.

Агору любил Сократ. Он приходил сюда поспорить с торговцами, узнать последние слухи, потолковать о природе красоты. Говорят, он проводил часы в лавке сапожника по имени Симон, хотя доказательства канули в Лету. Когда археологам кажется, что они наконец-то попали на след Сократа – скажем, обнаружили глиняную чашу с надписью «Симон», – зацепка оказывается ложной. Будто бы смех самого Сократа доносится до нас через века: «Я здесь... Нет, я здесь... Поймите меня, если сможете». Его и живого-то было нелегко «поймать»: он ускользал от попыток втиснуть его в обычные рамки.

Вечереет. Прогулка с Аристотелем подходит к концу, я уже собираюсь попрощаться, как вдруг этот рыжеволосый человек останавливается. И я понимаю, что у него из головы не выходит моя затея с путешествием – попытка найти «рецепт гения».

– Скажу вам честно, – грустно и спокойно говорит он, повернувшись ко мне, – помоему, у вас не выйдет найти единую формулу.

Пряди кирпичных волос спадают ему на лицо, его руки непривычно замерли. Его слова отскакивают от меня и падают вниз, на древние камни агоры.

Мы прощаемся и расходимся в противоположных направлениях. Вечернее солнце погружается в мягкую розовую перину. И хотя до гостиницы далеко, я решаю пройтись... Подобно Сократу.

– Сократ был Чувак.

Эти слова сказаны с глубокой уверенностью и без тени иронии. Я слегка теряюсь. Мне уже кое-что известно о Сократе. Один из основателей западной философии, обожал задавать вопросы и был казнен городом, который любил, несправедливо обвиненный в безбожии и «развращении молодежи». Но... «чувак»?! Может, я ослышался?

– Да, Чувак.

На сей раз в голосе собеседницы звучит еще больше убежденности. Ее зовут Алиша Столлингз. Это талантливая поэтесса, которая давно живет в Афинах. Удостоилась стипендии фонда Макатура, неофициально именуемой «грантом для гениев». Если кто и сможет объяснить мне афинский гений – так это Алиша. Во всяком случае, так я думал, пока не услышал про «чувака».

Она предложила встретиться в кафе недалеко от ее дома. «Возле храма Зевса», – будничным тоном сказала Алиша. Подобные указания получаешь в Греции на каждом шагу. Да, это вам не у себя на родине. «Спросите дорогу к храму Зевса» звучит куда увлекательнее и романтичнее, чем «поверните налево у Dunkin' Donuts». И ведь никакой нарочитости: люди просто выбирают естественные ориентиры. Здесь и храм Зевса, и McDonald's. Все это краски одного калейдоскопа.

Итак, мы сидим в кафе за бокалом вина, а я пытаюсь понять, почему Сократ был чуваком. Очевидно, Алиша использует данное слово в его лучшем смысле, имея в виду фильм «Большой Лебовски» братьев Коэн¹¹. Но можно ли уподобить Сократа любителю марихуаны и коктейля «Белый русский»? Не знаю. Звучит сомнительно.

– Да вы сами посудите, – говорит Алиша, почувствовав мой скепсис. – Вокруг Сократа все кипело и бурлило, а он оставался скалой, островом спокойствия. Настоящий Чувак. За всю долгую и интересную жизнь не написал ни строчки. Сидеть и писать – совсем не его занятие. Или вспомните, как в час казни, перед тем как сделать глоток из смертоносной чаши, он сказал: «А вы послушайте меня и поменьше думайте о Сократе, но главным образом – об истине»¹². Это не просто в стиле Чувака – в центре внимания не «я», а истина, – но, что любопытно, Сократ говорит о себе в третьем лице. Тоже очень «по-чуваковски».

Однако Сократ был не просто Чуваком – он был *афинским* чуваком. И *уникальным* афинским чуваком. Ибо никогда Человек и Город не подходили друг другу столь идеально. Афины были его любовью, и он не помышлял жить или умереть где-либо еще. Когда его приговорили к смерти, друзья предлагали бежать, но он решительно отказался. У него были с этим городом свои отношения, и он желал пройти этот путь до конца.

Этот босоногий и нестигаемый чудаक находился в том положении, которое характерно для гениев: не был ни «своим», ни «чужим». Обладая нетривиальным складом ума, он умел взглянуть на вещи свежим взглядом. И в то же время достаточно хорошо понимал и чувствовал жизнь и людей, чтобы его слова находили отклик у других.

Отнюдь не всегда гении привлекательны, и Сократ – подтверждение тому. Он не поражал красотой. «Бородатый, волосатый, с приплюснутым носом, глазами навывкате и с толстыми губами» – так описывает его внешность историк Пол Джонсон. Впрочем, Сократа не

¹¹ Замешательство автора связано с тем, что слово *dude*, в принципе обозначающее любого мужчину, весьма фамильярно. Столлингз же намекает на культовый фильм «Большой Лебовски», главным героем которого является Чувак – лентяй без определенных занятий, но непретенциозный, неглупый и невозмутимый в передрагах. В фильме возникает также тема характера: как поступить было бы «по-чуваковски». – *Прим. пер.*

¹² Пер. С. Маркиша. Цит. по изд.: Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1993. – *Прим. пер.*

беспокоила его внешность, и он часто вышучивал ее. В «Пире» Ксенофонта Сократ начинает мериться красотой с молодым красавцем по имени Критобул. Критобул критически отзывается о носе Сократа. Однако великий философ не лезет за словом в карман: у него, мол, нос красивее, «если только боги дали нам нос для обоняния: у тебя ноздри смотрят в землю, а у меня они открыты вверх, так что воспринимают запах со всех сторон»¹³. Что же касается толстых губ, то «Наяды, богини, рожают Силенов, скорее похожих на меня, чем на тебя».

Пусть Сократ был обделен физической красотой, зато родился в подходящее время – в один из самых знаменательных периодов человеческой истории, в правление Перикла (и лет через девять после смерти Конфуция). Ему было 12 лет, когда еврейский священник Ездра отправился из Вавилона в Иерусалим, взяв с собой последний вариант Пятикнижия (Торы). В это время (его часто называют осевым¹⁴) старые устои рушились, а новые еще не укрепились. По зданию культуры побежали трещины – но, как известно, через трещины проникает свет¹⁵. Свет и гений.

Как и в случае с другими гениями, время и человек совпали. Это не означает, что Сократ действовал «в духе времени». Гения отличает не стопроцентное соответствие эпохе, а, выражаясь словами психолога Кита Соьера, «умение использовать кажущееся несоответствие». Так было с Сократом: он раздвигал рамки приемлемого дискурса – и это долго сходило ему с рук. Его идеи возмущали, но вызывали отклик. Вообще гении соответствуют своему времени, как жемчужина раковине: не очень комфортно, но иначе невозможно. Гении – полезный раздражитель.

Сократа помнят как великого философа, но он был прежде всего собеседником. Конечно, люди общались между собой и раньше, но это были не беседы, а череда монологов, особенно если один человек имел более высокий статус, чем другой. Сократ же первым освоил разговор как средство интеллектуального исследования, оспаривания предпосылок, включая глубинные и неосознанные.

Для гениев, которыми я занимаюсь, беседы были важны. Иногда дискуссия специально затевалась, чтобы прийти к истине, но зачастую идеи возникали в ней спонтанно. Генри Джеймс вспоминает, как его роман «Трофеи Пойнтон» вырос из «частиц в потоке разговора». Сократ нередко погружался в этот поток, радуясь, что поток всегда разный – как и он сам.

¹³ Пер. С. Соболевского. Цит. по изд.: *Ксенофонт. Воспоминания о Сократе*. – М.: Наука, 1993. – *Прим. пер.*

¹⁴ Основное время – понятие, предложенное Карлом Ясперсом и обозначающее историческую эпоху, сформировавшую рациональную картину мира. Ясперс относит к осевому времени период 800–200 гг. до н. э. – *Прим. ред.*

¹⁵ Имеется в виду знаменитая фраза канадского поэта Леонарда Коэна: «Во всем есть трещина, но так проникает свет». – *Прим. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.